

30 АВГ 1973

ВЕЧЕРНИЙ МИНСК
г. МИНСК

ВСТРЕЧИ В МИРЕ ИСКУССТВ

АРКАДИЙ РАЙКИН: «САТИРИК—ЭТО ПРОПАГАНДИСТ»

Когда Аркадию Райкину исполнилось 60 лет (это было в 1971 году), он получил три тысячи поздравительных писем и две тысячи телеграмм.

Говорить о популярности Райкина — значит, утверждать очевидное. Даже труппу, в которой он выступает — Ленинградский театр миниатюр, — зрители уже давно привыкли называть «театром Райкина». А между тем вместе с ним на сцене играют талантливые, одаренные актеры и актрисы. Наверное, его спектакли можно сравнить с концертом для фортепиано с оркестром: труппа берет на себя роль оркестра и талантливо аккомпанирует солисту — Райкину; именно в таком сочетании ярко и полифонически многокрасочно звучит вся «партитура»...

Но зато солист-Райкин — виртуоз самого высокого класса. Кажется, на эстраде он умеет все. Его молниеносные трансформации вызывают восторг и удивление не только потому, что каждый новый персонаж, которого он выводит на сцену, внешне никак не похож на того, кого мы видели мгновение назад: перед нами — и психологически новый тип, для которого актер находит такое точное воплощение, такие выразительные детали, каких не может дать никакой новый костюм, маска или грим. На сцене — один актер, но множество действующих лиц, им созданных...

Райкин стремится говорить

со сцены о таких явлениях жизни, о таких сторонах нравственного совершенствования человека, над которыми, как правило, активно размышляет и его зритель. Он стремится найти ответы на те вопросы, которые зритель безмолвно задает ему. Зритель — его партнер, его единомышленник, его положительный герой, к мнению которого артист апеллирует доверительно и откровенно. Отсюда — особая манера диалога с публикой, ставшая главной чертой актерской индивидуальности Райкина.

— По реакции зрительного зала; — говорит Райкин, — а я много езжу по стране — я вижу, что людей повсюду волнуют одни и те же проблемы, явления. И это прежде всего явления, имеющие гражданский характер. Сегодня все в искусстве взвешивается на этих весах. Можно высокопрофессионально, даже талантливо играть на скрипке (я сам с удовольствием посещаю филармонические концерты), но даже здесь исполнитель должен точно знать: ради чего он выходит на сцену? Проявить себя (вот, мол, что я умею!) или помочь людям понять нечто большое и важное? «Ради чего?», если хотите, — это фундамент, платформа любого искусства. И уж тем

более это относится к жанру сатиры...

Так Райкин начинает ответ на вопрос о месте и роли сатирического жанра в искусстве и обществе.

— Сатира — острое оружие. Афоризм «смех убивает» родился много веков назад. Но вот здесь я вижу коренную разницу между сатириками всех предыдущих времен и художниками, работающими в сатирическом жанре в условиях нового, социалистического общества. Да, высокая сатира — вспомним Аристофана, Свифта, Гоголя, Салтыкова-Щедрина — всегда имела своей миссией недостатки и пороки людей и общественных формаций. Но ведь люди (за исключением случаев патологических, что уж объект медицины, а не искусства) не рождаются пороками. Их сознание и характер формирует общество. И потому, вольно или невольно, великие сатирики прошлого, равно как и нынешние мастера этого жанра в буржуазных странах, — непременно прокуроры своего общества, обвинители той социальной системы, которая искажает, уродует человеческую личность. Иное дело — сатирик, работающий в условиях принципиально иной общественной формации. Социалистическое государство само в первую

очередь заинтересовано в воспитании высоких нравственных качеств у своих граждан. Отсюда — и роль художника: помочь государству в выполнении этой самой важной миссии на земле. Сознание своего долга и рождает ответ на главный вопрос искусства: «Ради чего?» И ответ этот полностью совпадает с целями, которые ставит перед собой страна социализма: «Не может быть победы коммунистической морали без решительной борьбы с такими ее антиподами, как стяжательство, тунеядство, клевета и тому подобное. Борьба с тем, что мы называем пережитками прошлого в сознании и поступках людей, — это дело, которое требует к себе постоянного внимания партии, всех сознательных передовых сил нашего общества».

Райкин протягивает мне брошюру, абзац из которой только что привел как аргументацию своего кредо. Эти несколько строк — артист подчеркнул их — из Отчетного доклада Центрального Комитета КПСС XXIV съезду партии, с которым выступил Генеральный секретарь Леонид Ильич Брежнев.

...Театр Райкина существует 33 года. За это время актер создал на его сцене больше тысячи персонажей. Пусть иные из них появлялись в спек-

такле лишь на 2—3 минуты, но все они были образами собирательными и, как правило, «антигероями». Были бюрократы, были карьеристы, были просто невежественные дураки. Однако, видоизменившись со временем, они ведь не исчезли из жизни и по сию пору? Разумеется, действие искусства не сиюминутно, но...

Это «но» Райкин решительно опровергает:

— Если все было бы так просто, то написал Мольер своего «Тартюфа» — и, смотришь, перевелись бы на свете ханжи... Искусство не влияет на жизнь мгновенно. Но оно активно воздействует на общественное мнение, формирует его, создавая, вместе с другими социальными условиями, нравственные критерии людей. Поэтому я считаю искусство вообще и свою роль в нем, в частности, сферой общественной деятельности. По моему глубокому убеждению, сатирик — это пропагандист. Ибо, критикуя, я требую исправления. Отрицая уродливое — утверждаю здоровое.

Можно ли сыграть на сцене идеального человека, исполненного одних лишь добродетелей? Райкин даже не задает этот вопрос, он просто размышляет вслух. И отвечает сам себе:

— Не уверен, что нужно

играть на сцене «идеал». Но вот призывать к идеалу — необходимо. В этом я вижу смысл всех спектаклей нашего театра.

«Герои» сатирика — чаще всего из породы тех, кого принято называть отрицательными. Что же, актер никогда не жалеет своих персонажей?

Райкин усмехается — устало и добро:

— Отчего же? Жалею и нередко. Был у меня такой «герой» Пантюхов. Этот горе-руководитель полагал, что его незаурядная эрудиция позволяет ему возглавить солидное научное учреждение и предложить своим сотрудникам перейти от исследования проводников «к проводникам в целом» или задаться целью сделать «слабые токи сильными»... Гротеск? Безусловно. Таковы законы жанра. Этот Пантюхов был и страшен, и смешон. Я ненавидел его, но и сострадал ему: жалкий выскочка, он сам был несчастен. Где-то в дремучей глубине души он понимал: «Все строят, создают, а я?» Ведь каждый способен на что-то полезное и чувствует себя полноценным человеком лишь тогда, когда занимает в жизни свое, не случайное место...

— Кстати, — продолжает Райкин, — сегодня «мой» Пантюхов уже устарел: более строгий подход к кадрам, осуществляемый в нашей стране, требует от руководителя как минимум высокой компетентности в своем деле и «отбирает» у такого Пантюхова право быть правдоподобным... Радостно, что наша жизнь заставляет устаревать «героев» сатиры. Хочется верить, что в этом прогрессе искусство играет свою роль.

И. КНЯЗЕВА.